

Драматургия жизни

Синдром похмелья

Журнал и сцена. — 1996. — 11-18 июля. — С. 2

Все. Второй международный театральный фестиваль имени Чехова — окончен. Три с лишним месяца театры разных стран мира демонстрировали на сценах Москвы свои реальные (и не совсем) творческие достижения. Не надо больше волноваться из-за билетов. Не надо ходить на пресс-конференции. И встречать на особом "хитовый" спектаклях "всю Москву" — тоже не надо. Когда еще увидишь, как наши домашние знаменитости гуляют по фойе в незнаменитой толпе, как покорно усаживаются где-то в тылу, как, выражая свое восхищение, прячут разочарование, скуку и зависть. Занимательно. Опять же — театральный разъезд. Многим просто не хочется расставаться: быть может, они не встречались с прошлого фестиваля. А он был целых три года назад.

Но пройдет сколько-то времени (в наши колеблющиеся дни не стоит загадывать, сколько именно) и, Бог даст, откроется третий Чеховский. А затем... и так далее. Это вот предвкушение будущего заставляет думать о завершившемся фестивале, как о том, что длится, а значит — неизбежно меняется. И хочется разобраться: что значил он для нашего театрального процесса, и что надо бы сделать еще, чтобы значение это усугублялось. Чтобы не только информационный и эстетический голод удовлетворялся, но и голод какой-то еще. Не знаю как определить его точно. Пожалуй, потребность в возбуждающей идее. Не обязательно реализованной, быть может, просто теоретической. Не обязательно сформулированной, но вживленной...

Вот тут я подхожу к теме (для кого-то, наверно, слишком локальной) моей заметки. К месту и значению слова в системе нашего фестиваля. Значит — роли общения и критики, способов осмысления и прогнозирования. Совершенно непростая проблема, хотя на каждом фестивале (у нас и не у нас) предлагаются уж ставшие традиционными решения.

Чеховский — фестиваль достаточно своеобразный. Прежде всего у него нет жюри, нет премий, то есть официальный элемент соревнования — отсутствует. Это снимает остроту ситуации, споры вокруг спектаклей не электризируются "болением" спорящих, их желанием кого-то подтолкнуть к награде, а кого-то от нее обязательно оттолкнуть. Меньше страстей, интриг: для них просто нет настоящего повода. Отношения между показывающими и смотрящими получаются более чистыми (простите мне столь наивный сегодня термин). Меньше бросаемых в догонку камней, разных там несогласий с решением жюри, выяснений подоплек и подтекстов, обид, продемонстрированных и затаенных. Вспомним, что бывает у нас после очередного присуждения театральных премий! Человек слаб, и собственное мнение кажется наимсправдливейшим. Не хочется, чтобы радость фестивальных встреч омрачалась потом из-за чьего-то (неизбежно субъективного) выбора. Поэтому принцип просто показов, без борьбы за места, в нашем фестивале мне очень нравится. Пусть каждый внутри себя выдаст если захочет призы и успокоится.

Но. Отсутствие необходимости рассчитывать на первый-второй, безусловно, лишает событие напряжения, какого-то спортивного азарта. Не случайно же в Древней Греции, родоначальнице таких фестивалей, была борьба и был окончательный суд. Пусть нет жюри, но это не значит, что не должно быть сравнений вообще, явленного всем столкновения мнений, борьбы не мест, но идей. Сейчас, после закрытия фестиваля, осталось какое-то чувство недоуясненности что ли, недоговорен-

ности, невыраженности. А вернее — недоосмысленности. Ощущение отложенной пользы. Прежде всего — пользы теоретической.

Театр — разбросанное, громоздкое искусство. И так трудно в нем что-то соединить, сопоставить, в разрозненных фактах уловить движение, зачатки каких-то будущих эстетических смыслов. Тратя огромные деньги и огромный же труд, организаторы фестиваля вроде бы дают нам такую возможность, доставляя к нам "на дом" то, что они отобрали как лучшее, во всяком случае как достойное быть увиденным.

Но дальше? Не они ли должны подумать еще и о "хвосте" фестиваля (как у кометы, о теоретическом шлейфе, влияющем не только через непосредственные впечатления на будущий театральный процесс. Прежде этого пытались достичь "обсуждениями". Критики, собравшись после просмотра очередного спектакля, говорили о нем даже тогда, когда говорить вовсе не хотелось или было не о чем.

У Чеховского фестиваля такая обычая нет. К счастью нет. По опыту многих других фестивалей могу засвидетельствовать: обсуждения слишком часто оставляют неприятный осадок, они дискредитируют критику, создавая впечатление, что она своей поверхностной и обидной болтовней взяла и всем испортила праздник. В обсуждениях всегда есть что-то искусственное, оплаченное. Даже при блеске слов — наивное, если посмотреть с высоты настоящих теоретических опытов. Не знаю, как другим, но мне на таких обсуждениях становится как-то неловко за свою профессию, за наши бестактности и нелепости, за многословие, за упоение самими собой, за... Но достаточно. Не отсутствие обсуждения вызывает неудовлетворенность. А — отсутствие какого-то обобщающего результата для всех (слово глупейшее в разговоре о творчестве, но другого не нахожу). Это особенно задевает. И так наш театр, сегодня как никогда, лишен теоретической страховки. Все разбросано, случайно. И значит по сути своей — бескультурно. Вот и нынешний фестиваль исчезает во времени, отразившись лишь, как принято говорить, в зеркале прессы. Зеркало же это бывает и кривоватым, и тусклым. Да и сколько их, этих зеркал?

Словом, хотелось бы каких-то нестандартных решений. Каких-то организационных прозрений. Или — повторения того, что было удачно найдено прежде. Вот на первом чеховском фестивале как прекрасно вписались в его жизнь бюллетени, выходявшие практически после каждого спектакля! Их веселая, как бы спешащая полиграфия, неприглаженность мнений, огромное количество этих мнений, коротко сформулированных, внезапно вырванных вездесущими людьми с диктофонами на фоне еще не смолкнувших аплодисментов, в раздевалке, в общей толпе. Взаимоисключающие, без оглядки, без подготовки, без украшенности, затмевающей смысл...

Замечательно. Разность оценок, иногда — их резкость, никого не задевала, не ссорила. Напротив, непонятным образом именно из несовместимости возникало сложное единство процесса, свобода и многообразие. Я до сих пор храню эти "бумажки" как летучее, но ненавязчиво и точно отражение не фестиваля только, но и художественного, интеллектуального состояния — климата в нашем театре тех дней.

Делавшие эти быстрые выпуски молодые критики из "Московского наблюдателя" сегодня — уже "имена". Вряд ли они захотели бы повторить ту не приносящую индивидуальных лавров работу. Но и не нужно было ничего повторять. Новое поколение молодых, даже студентов

охотно бы продолжило традицию. Конечно же, дело не в людях, дело, как обычно, в деньгах. Понимаю, подчиняюсь обстоятельствам. Но все же прошу прощения за неуместную, наверно, подсказку: не лучше ли привезти на один спектакль меньше (тем более, что среди фестивальных были такие, без которых легко обойтись), но зато "обслужить" остальные по полной программе?

Конечно, бюллетень — не теоретическое издание. Хорошо бы если бы было хотя бы на первое время что-то околотеоретическое. Некий сборник статей, лучших из опубликованных и тех, что написаны специального для него. У нас сегодня ведь почти нет книг, которые бы осмыслили наш современный театральный процесс. У нас даже театральные журналы — на грани комы. И любая возможность как-то расширить в рамках фестиваля круг печатной театральной продукции — не заслуживает упущения. И потом — большому фестивалю (безусловно, московский и в прямом и в сущностном смысле слова — **большой**) как большому кораблю, нужен подобающий эскорт.

Нужно и просто живое общение. Не на пресс-конференциях только, но в кулуарах. Как уютно было после спектакля фестиваля немецкого театра собираться в ночном клубе в старом, на Тверской, Доме актера. Пить экзотическое по тем временам немецкое пиво, и разговаривать, разговаривать. Тогда существовало еще "советское театральное пространство", где разные культуры взаимодействовали и обогащали друг друга. (Только теперь, расставшись и изолировавшись границами и стоимостью проезда, понимаешь истинное содержание этих затертых, формальных слов). На нынешнем фестивале, и это безусловная победа его организаторов, многие встретились снова. Приехали театры, которые мы так любили когда-то. Люди, о которых мы помнили, но слишком давно не видели их, порой не имели о них достоверных известий. Эти нынешние встречи на сцене, в антрактах — стоили дорогого. И так не доставало удобного и открытого всем плацдарма для этих свиданий. Так остро ощутилась невозвратимость потери былого места для встреч.

И еще. На том же немецком фестивале, как впрочем и на итальянском, кроме "живого" театра была замечательная серия видеопозаказов и встреч. Из Италии даже приехали критики, выступавшие с сообщениями. Все это не только расширяло информационное поле, не только обогащало добавочными эстетическими впечатлениями, но становилось опять же местом контактов, просто смотрения друг на друга в конце концов.

Я понимаю, что веду себя как-то по-свински. Мне столько всего привезли. Меня всюду пустили. Ради моих впечатлений по-настоящему "выложились". А я... Вместо того, чтобы сказать спасибо, поставить благодарно восторженную точку в конце, опять чего-то хочу. Лезу с советами. Вспоминаю растаявший снег.

Простите, если что не так. Но если и на этот раз фестиваль состоялся, значит есть у него устойчивость, то есть будущее. И потому стоит задуматься об его общей концепции, его ритуале, наконец, о его милых странностях. Ведь очень хочется, чтобы престиж его рос, а реальная плотность его событий, как и их эксклюзивность, превысили нашу возможность на них присутствовать.

Спасибо. До встречи на следующем. Если буду жива, обязательно, Элла Петровна, приду к вам за "билетиком"